

«Записные книжки» Л. Гинзбург: от учителей-читателей к учителям-персонажам

Предмет доклада – эволюция фигуры читателя в «Записных книжках» Л. Гинзбург. В записях первых лет, когда складывался замысел «Записных книжек», их идеальными читателями мыслились учителя – мэтры формализма. Самой идеей дневников как большого литературного проекта Л. Гинзбург во многом обязана В. Шкловскому. Записывая случаи, анекдоты, фразы и письменно размышляя над увиденным и услышанным, ученица «старших» формалистов в первые годы как будто следует их указаниям; в «Гамбургском счете» Шкловского находим одно из таких указаний: «Намечается несколько возможностей: путь Розанова, или (чтобы удалить определенный “идеологический привкус” этого имени) путь “записной книжки писателя”». В личных беседах Шкловский подталкивал ее к выбору именно этого пути – соответственно, именно Шкловскому и его ближайшим соратникам (Ю. Тынянову и Б. Эйхенбауму) дневники Гинзбург и адресовались. Это определяло их тематизм, выбор материала, структуру.

Но с начала 1930-х годов в «Записных книжках» намечается все большее размежевание с учителями – и прежде всего со Шкловским, и это значит, что они отчуждаются автором дневников не только от критического руководства ученицей, но и от чтения ее записей. Л. Гинзбург отказывается прежде всего от *воинствующего пафоса синхронии*, от «современности» как *меры всему*. Время оказалось губительным для лидеров формализма с их культом стремительности и «вечного обновления»; их ставка на «малое время» провалилась. Ни один из вариантов «стремительной» биографии не приемлем для Л. Гинзбург – ни оптимистический (бег Эйхенбаума наперегонки со временем), ни катастрофический (разговоры Тынянова о желательности ранней смерти), ни иллюзорный – как у Шкловского. «Современность» подвела главным образом Шкловского, не выдержавшего «давления времени», – таков диагноз Л. Гинзбург. Такое смещение оценок в «Записных книжках» привело к поиску новой установки на читателя: отныне это как бы провиденциальный читатель, отодвинутый в неопределённое будущее. С тридцатых годов мера конструирования читателя в «Записных книжках» – «большое время».

Усилие мысли, борьба с умственной инерцией – важнейший лейтмотив «Записных книжек». В «Записных книжках» игра остроумия, в духе Шкловского, вытеснена записанным внутренним процессом осмысления, работой мысли, совершающейся в самом тексте. И мера этой разворачивающейся, пребывающей в постоянном напряжении мысли – годы и десятилетия. «Большое время» работало на «Записные книжки» и против формалистов, ставших с годами только персонажами.